

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЗНАК КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОД

Статья посвящена проблеме осмысления языкового и культурного феномена имени собственного в пространстве национальной ономоферы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, имя собственное, культурная память, языковая картина мира, культурно-языковой код, этноязыковая информационная среда

The article offers an attempt to interpret proper name as a linguistic and cultural phenomenon of national onomastics.

Key words: Cognitive Linguistics, Proper Name, Culture Memory, Culture and Language Code, World Image Reflected in Language, Ethnolinguistic Media.

Статья посвящена проблеме осмысления языкового и культурного феномена имени собственного в пространстве национальной ономоферы.

Имена собственные обладают уникальным статусом в системе семиотики естественного языка. Являясь, с одной стороны, элементами языкового пространства, проприальная лексика одновременно выступает как часть долговременной культурной памяти социума. В ономастике аккумулируются значительные пласты исторического, социального, духовного опыта этноса, запечатлеваются объемные фрагменты *языковой картины мира*.

Трансмерность ономастического пространства, его погруженность посредством базовых механизмов номинации, идентификации и обобщения в полевые разноуровневые и разнотипные структуры языка, проекция в ткань культуры на основе тончайших ассоциативных связей и пересечений с другими видами семиотик, непрерывное динамическое преобразование в различные когнитивные стереотипические ансамбли в сознании отдельного носителя языка и социальных групп, одновременное функционирование онимов в различных этноязыковых информационных средах обуславливают трактовку феномена имени собственного как *динамического культурно-языкового кода*.

Сохраняя базовый идентификационный признак, позволяющий отнести оним, во-первых, к области ономастического пространства, во-вторых, к определенному фрагменту указанного пространства, информационный код имени претерпевает различные концептуальные модификации, являющиеся, по сути, механизмами адаптации в условиях функционирования в различных этнокультурных и этноязыковых средах. В отдельных случаях, при угасании исходного культурного фона, генетически первичного для имени собственного, оним, сохраняя базовые идентификационные признаки, претерпевает значительные изменения концептуального наполнения. Таким образом, возникает явление, называемое в лингвистике языковым *субстратом*. Наиболее объемно языковой субстрат проявляется в рамках топонимических систем: различные территории, осваиваясь новыми этносами, зачастую сохраняют основную часть существующих названий крупных географических объектов – рек, озер, хребтов, гор и т.п. Естественно, освоение иноязычных имен сопровождается их «приспособлением» к новой языковой системе на уровне ударения, произношения, словообразования и т.д.

В Амурской области мы также можем наблюдать проявление субстрата в топонимической системе основного языка – русского. Географическая лексика региона включает названия при-

внесенные русскими поселенцами: имена собственные со славянскими корнями и корнями, имеющими характер суперсубстрата (т.е. субстратных названий других территорий, освоенные русским языком и воспринимающиеся как русские), а также географические наименования тунгусо-маньчжурского происхождения, в основном *эвенкийского* (к этой группе относятся также имена, переданные через эвенкийскую топонимику как медиатор языков регулярно контактирующих этносов).

Северная территория области: *Зейский, Магдагачинский, Селемджинский, Тындинский районы*, – по своим природным условиям наиболее пригодная для кочевого уклада жизни коренного народа, в той части топонимикона, которая связана с естественно-географическими реалиями, практически полностью представлена субстратными названиями. Заимствуя «готовые» эвенкийские имена природных объектов, русская топонимическая система восприняла звуковые оболочки имен и базовую идентификационную часть концептов, связанных с ними. Культурный пласт ономастических знаков при субстратном переносе оказался опустошенным – *лакунарным*.

В результате исследования топонимического материала выявлены основные линии *элиминирования концептуальных топонимических лакун* в русской топонимической системе, а также разработана методика концептуального моделирования субстратных названий в ономосфере исходной *эвенкийской культуры*.

Кратко останавливаясь на выявленных закономерностях, отметим следующее:

1. Структура топонимического концепта в различных ономосферах имеет универсальный характер, вариативно реализуясь в степени эксплицитности/имплицитности элементов.

2. Наполнение концептуального пространства, демонстрируя релевантность структуре концепта, в условиях конкретной ономосферы представляет собой неповторимый *ментальный стереотипический ансамбль*, репрезентирующий базовые культурные константы.

3. Адаптация онима в концептосфере нового языка сопровождается ассоциативным элиминированием закономерно возникающих концептуальных лакун.

4. Результаты ассоциативного элиминирования частично находят отражение в *дискурсном функционировании* имени собственного и, таким образом, становятся фактом массового сознания. Указанный процесс имеет взаимнообратный характер: дискурс оказывает воздействие на формирование когнитивных структур в ментальном мире социума.

Для иллюстрации указанных положений обратимся к анализу концепта, репрезентированного топонимом *Тында*.

Энциклопедический слой концепта, представляющий ядерную часть (минимальную информацию, необходимую для идентификации и, следовательно, функционирования имени) выражен инвариантами (омонимия на уровне знаковой оболочки): *Тында* – река в Амурской области; *Тында* – город в Амурской области.

Исходным для эвенкийской концептосферы является соотнесение *Тында* – река. С реками, как артериями жизни, у коренного народа связан самый сложный комплекс представлений, передающийся как часть культурно значимой информации из поколения в поколение. А. Лаврилье, французская исследовательница, много лет прожившая среди эвенков, отмечает различные аспекты реализации топонимической информации в концептосфере кочевников [По материалам Центра лингвистики БГПУ]. Обобщая наблюдения А. Лаврилье, выделим следующие ментальные уровни:

1) прагматический уровень: название реки является частью «виртуальной», хранящейся в родовой памяти карты местности. По этой карте происходит ориентирование в ходе кочевок, очерчиваются границы территории рода, осуществляет особая цикличная смена кочевых маршрутов;

2) уровень самоидентификации: род выделяет себя соответственно тем местам, главным образом рекам, в пределах которых он кочует; социальная зрелость отдельного человека или семьи определяется самостоятельностью кочевки и умением прокладывать новые пути;

3) символический уровень: имена рек связаны с представлениями эвенков о верхнем и нижнем мирах, о жизни и смерти, этим обусловлены важнейшие культы и обряды религиозной жизни.

Таким образом, через знаковую оболочку имени происходит доступ к многомерному комплексу этнокультурной информации.

При переносе названия в иноязычную топонимическую систему информация принимает имплицитный характер и с течением времени стирается, замещаясь иными стереотипами, начиная с базовой части концепта: в русской концептосфере имя *Тында* соотносится с денотатом город, в отличие от исходной эвенкийской концептосферы. О других концептуальных изменениях свидетельствует ассоциативное поле топонима *Тында* в русскоязычной среде, реконструированное в результате массового психолингвистического эксперимента.

Ядро концепта составляют признаки: *город (128); БАМ (110); север (105); станция (96); черная дыра (70); гнилое место (69); что-то черное (29); тянущее (17); река (16); зовущее (15); олени (15); провал (6).*

Ближнюю периферию составляют признаки: *непонятное (4). Дальнюю периферию составляют признаки: магистраль (2).*

Крайнюю периферию составляют признаки: *тындинец (1); поезд (1); ночь (1); темное (1); темнота (1); черная женщина (1); ворона (1); моя родина (1); Оля А. (1); место, где есть красивые девушки (1); деньги (1); пустота (1); дыра (1); командировка (1); моя юность (1); моя жена оттуда (1); город, где нет черемухи (1); тындычиха (1); борьба Тырта (1); низменность (1); юность (1); все дорого (1); железнодорожники (1); работа (1); богатство (1); музыкальный инструмент (1); музыкальный инструмент, типа губной гармошки (1); что-то пугающее (1); вечная мерзлота (1); овощи не вызревают (1); тандем (1); согласие (1); женщина (1); бутылка (1); звук, как в пустой бочке (1); ты да я (1); дудочка (1); собака (1); дом (1); поездка (1); неприятное (1); сопки (1); неровный город (1); холодно (1); якуты (1).*

Таким образом, доступ к исходному информационному потенциалу имени собственного осуществляется посредством обращения, во-первых, к знаковой оболочке (речь идет, прежде всего, об этимологической и деривационной реконструкции), во-вторых, к анализу взаимосвязей с другими элементами ономастического пространства, в-третьих, к историческому и актуальному дискурсу, особенно к прецедентным текстам, в-четвертых, к исследованию ассоциативного поля имени, в-пятых, к реконструкции концептуальной модели имени в системе национальных культурных констант.